

Раз уж нашлась работа, вечером непременно стоило устроить праздничный ужин. Бай Цзыму подумывал купить цзинь свинины, но, заметив сваленные у мясной лавки потроха, передумал.

Цзинь чистого свиного сала стоил двадцать вэней. С прослойкой мяса — девятнадцать. Грудинка — восемнадцать.

Цены могли показаться невысокими, но вязанка дров стоила всего четыре вэня, а отец Цзян, работая на жатве с утра до ночи, зарабатывал не больше двадцати вэней в день. Иначе было нельзя. Здешние крестьяне кормили свиней травой, и в лучшем случае животное было готово к забою через полгода, а в худшем — через год. Продай они дешевле, ничего бы не заработали. А ведь это адский труд — изо дня в день искать корм, вычищать навоз. Кто бы на такое согласился?

— Почём эти потроха? — спросил Бай Цзыму.

Свиной желудок, толстый и тонкий кишечник, лёгкие, печень — всё это считалось потрохами. Обычно их мало кто ел, а порой они и вовсе оставались нераспроданными.

— Всё заберёшь? — спросил торговец. — Если всё, отдам за пятнадцать вэней. Если только печень, она дороже — восемь вэней.

— Беру всё, — едва успел сказать Бай Цзыму, как Цзян Сяоэр потянул его за рукав и, прижавшись к его уху, зашептал:

— Гэфу, они же воняют и невкусные, давай не будем брать.

Цзян Сяосань тоже сморщил нос. В прошлом году на праздник Цзян Сяои как-то раз купил свиные кишки. Он сварил целый котелок, но они так воняли и были такими жёсткими, что их невозможно было разжевать. Цзян Сяосань тогда мусолил один кусок до боли в щеках, но так и не смог его разжевать. Выплюнуть было жалко, и он решил проглотить его целиком. В итоге половина застряла в зубах, половина — в горле. Он так поперхнулся, что закатил глаза и чуть не отдал богу душу. До сих пор вспоминал с содроганием.

— Не бойся, твой гэфу не дурак, — всё же купил потроха Бай Цзыму.

Свиных потрохов оказалось много. Он докупил ещё и плетёную корзину. На подходе к деревне они увидели Тётушку, которая обеспокоенно расхаживала взад-вперёд.

Цзян Сяосань, держа Бай Цзыму за руку, подпрыгивая, закричал:

— Ой, это же тётушка! Тётушка! — он подбежал к ней. — Тётушка, почему ты здесь?

Увидев, что они вернулись, женщина вздохнула с облегчением. Сегодня она была дома, и соседка, вернувшись из города, заметила её во дворе и спросила, вернулись ли Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань. Только тогда тётушка узнала, что Бай Цзыму увёл детей на ярмарку. А потом соседка добавила, что утром она продавала яйца на улице и видела, как Бай Цзыму с племянниками гулял по рынку, а потом они пропали из виду. Услышав это, она не могла больше сидеть на месте и поспешила к дому второй ветви.

Цзян Сяои и отца Цзяна ещё не было, детей тоже. Тётушка запаниковала. Она не находила себе места дома и пошла ждать их у въезда в деревню. Но сколько ни ждала, никто не возвращался. Она уже думала, что если они не появятся, придётся звать мужа и заявлять властям.

Теперь, увидев их, она успокоилась. Вытерев пот со лба Цзян Сяосаня, она улыбнулась:

— Я... я просто гуляю. Сяосань, тебе понравилось сегодня в городе?

— Понравилось! — громко ответил Цзян Сяосань. — Гэфу купил мне булочку и танхулу. Танхулу сладкий-сладкий.

— Правда?

— Да! Сяосань не обманывает. Обманывать нехорошо.

Бай Цзыму подошёл и поздоровался. Тётушка искренне улыбнулась:

— Вернулись. На улице жарко, а у тебя здоровье слабое, ступайте скорее домой.

— ...Хорошо, — ответил Бай Цзыму.

Когда они добрались до дома, Цзян Сяои и отец Цзян уже были там. Цзян Сяои хлопотал на кухне. Было около половины третьего. Цзян Сяоэр с криком восторга протянул им паровые булочки. Цзян Сяои вошёл в главную комнату и, увидев булочки, танхулу и целую корзину свиных потрохов, изумился. Бай Цзыму сегодня взял с собой всего десять взней — на это столько не купишь.

Он хотел пойти на кухню и спросить, но паровая булочка была такой вкусной, что ему захотелось угостить и Бай Цзыму. Едва он поднялся, как Цзян Сяоэр, сияя от восхищения, затараторил, что его гэфу — самый лучший.

Отец Цзян видел, что дети хоть и вспотели от жары, но их глаза блестели от возбуждения, и

улыбнулся.

— И чем же твой гэфу так хорош?

— Гэфу здорово ловит змей! — возбуждённо защебетал Цзян Сяоэр, размахивая ручонками. — Тот гошаньфэн был вот та-а-акой большой! А гэфу подскочил, схватил его за хвост, вот так вот, и стал быстро-быстро крутить, и змея сразу потеряла сознание!

У отца Цзяна дёрнулось веко. Слушать было страшно. Он решил, что позже поговорит с Бай Цзыму: нельзя так больше делать. Увидеть королевскую кобру и не бежать, а броситься на неё — это же чистое самоубийство.

Цзян Сяои, однако, не испугался. Бай Цзыму говорил ему, что не боится таких тварей, его страшит лишь Громовое бедствие. Королевская кобра — мелочь.

— Точно! — поддакнул Цзян Сяосань. — Мы продали змею за много-много денег, и гэфу угостил нас булочками. Гэфу самый лучший!

Слушая, как они без умолку твердят «гэфу», отец Цзян почувствовал лёгкую ревность, но в то же время и радость. Было видно, что Бай Цзыму хорошо относится к детям, иначе как бы они за несколько дней так к нему привязались?

Цзян Сяои съел только одну булочку, а оставшиеся понёс на кухню Бай Цзыму.

— Я сегодня съел уже три, — отказался Бай Цзыму. — Это я тебе купил.

Цзян Сяои улыбнулся.

— Тогда я оставлю на вечер, поешь потом.

Денег в семье не было, и кто знает, когда в следующий раз удастся поесть мясных булочек.

Сердце Бай Цзыму потеплело. Он наклонился и поцеловал его. Цзян Сяои замер, его глаза расширились, и он тут же обернулся посмотреть наружу.

Отец Цзян, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань были в главной комнате. Во дворе никого. Цзян Сяои поспешно прошипел:

— Наклонись, скорее, скорее!

Бай Цзыму усмехнулся и послушно наклонился. Цзян Сяои быстро чмокнул его в ответ.

Его любовь была смелой и прямой, без всякого жеманства, не похожей на чувства других людей этой эпохи. Бай Цзыму был от него без ума.

— Я сегодня нашёл работу. Теперь буду покупать тебе мясные булочки, сколько захочешь. Сколько съешь, столько и куплю.

— Ты нашёл работу? — удивился Цзян Сяои. — Какую?

— Управляющим в таверне «Фулай», — небрежно бросил Бай Цзыму. Для него это не было чем-то особенным, но Цзян Сяои ахнул, недоверчиво моргая. Мясная булочка чуть не выпала у него из рук.

— ...Что?

Он не ослышался?

Бай Цзыму усмехнулся:

— Ну как, я ведь лучше Лю Хуцзы?

Цзян Сяои был на седьмом небе от счастья. Он чувствовал, будто нашёл сокровище. Он и представить не мог, что Бай Цзыму, просто выйдя из дома, найдёт такую хорошую работу. В таверне «Фулай» даже простые официанты зарабатывали по несколько сотен вэней в месяц. Он не знал, сколько получает управляющий, но уж точно больше официанта.

Его голова кружилась, всё казалось сном.

— Ты правда нашёл работу? Управляющим в «Фулай»? Ты меня не дурачишь?

Бай Цзыму ущипнул его за нос.

— Зачем мне тебя обманывать? Ты же меня знаешь, я самый честный человек на свете.

Цзян Сяои усмехнулся, искоса взглянув на него.

— А раньше ты меня обманывал. Говорил, что тебе нравятся пушистые медведицы, а не гэ'эры.

Бай Цзыму замялся.

— Что прошлое ворошить? — он сменил тему, ущипнув его за щёку. — Так скажи, я лучше Лю

Хуцзы или нет?

Цзян Сяои не обиделся, а весело рассмеялся, обнимая Бай Цзыму за талию.

— Ты и так лучше него. Ты самый лучший, даже молния тебя не убила.

Бай Цзыму потерял дар речи. Он сильно ущипнул его за щёку.

— Ешь давай свою булочку!

Цзян Сяои давно проголодался. Хотя он уже съел одну булочку, этого было мало. Он поднёс свою булочку к губам Бай Цзыму.

— Сначала ты откуси.

Бай Цзыму откусил, и только тогда Цзян Сяои принялся есть сам. Он не стал уходить, а остался крутиться возле Бай Цзыму. Ему нравилось быть рядом, даже если они ничего не делали. Увидев в корзине потроха, он нахмурился.

— Зачем ты купил потроха? Они же невкусные.

Говорил, что невкусные, он, а за столом уплетал свиные лёгкие за обе щеки тоже он.

Свиные лёгкие, хорошо промытые, сначала отваренные с имбирём, затем снова промытые, нарезанные и обжаренные с чесноком, кинзой и перцем чили, — как они могли быть невкусными? Даже отец Цзян съел на две миски каши больше обычного. А Цзян Сяосань так вертел головой, что казалось, она вот-вот отвалится, и всё твердил, как это вкусно, невероятно вкусно.

На обед приготовили только свиные лёгкие, печень и кишки остались нетронутыми. Раньше Цзян Сяои тоже пытался их готовить, но ничего хорошего не получалось. Теперь он был в полном восторге от кулинарных талантов Бай Цзыму.

Увидев, что кишок куплено много, а погода всё ещё жаркая и до завтра они могут испортиться, он посоветовался с Бай Цзыму:

— Как ты хочешь сегодня приготовить кишки? Можно я отнесу немного тётушке?

Спросив, он напрягся. Приходящий зять-гэ'эр должен был слушать своего фулана.

Но Цзян Сяои так не думал. В его глазах Бай Цзыму был просто Бай Цзыму. То, что он пришёл

в их дом, не делало его ниже по статусу. Он считал Бай Цзыму своим мужем, а фулан, естественно, должен слушать мужа. Все домашние дела должны решаться мужем. Все новые жёны и фуланы в деревне жили по таким правилам.

Увидев, как он робко тербит край одежды, Бай Цзыму помрачнел. Он подошёл, обнял его и, уткнувшись носом ему в шею, вдохнул его запах. Его голос стал мягким и низким:

— Хочешь отнести — неси. Всё равно нам пятерым столько не съесть. Почему ты боишься со мной говорить? Ты же мой милый маленький фулан. Что бы ты ни захотел сделать, я всегда тебя поддержу.

От этих слов у Цзян Сяои сердце забилось как бешеное, словно барабан. В ушах зашумело. Тёплое дыхание Бай Цзыму на его ушной раковине словно воспламенило его, голова закружилась, тело обмякло.

Цзян Сяосань и Цзян Сяоэр вернулись с огорода с пучком чесночных перьев и увидели Цзян Сяои, который сидел в главной комнате с ярко-красным лицом. Цзян Сяосань дважды позвал его, но тот не откликнулся, словно не слышал. В голове у него всё вертелась фраза Бай Цзыму: «Ты же мой милый маленький фулан». От этих слов у него горели уши и щёки.

Цзян Сяосань бросился к нему и обнял за ногу.

— Старший брат, старший брат? Что с тобой? Почему ты не отвечаешь Сяосаню?

Цзян Сяои по-прежнему не отвечал, пребывая в прострации. Цзян Сяосань в ужасе подбежал на кухню, обнял ногу Бай Цзыму, и в его глазах заблестели слёзы.

— Гэфу, всё пропало, мой старший брат, он... он сошёл с ума! Всё пропало, всё пропало! Что делать, гэфу, пойдёшь скорее посмотри на старшего брата!

Бай Цзыму молчал.

Жареные печень с кишками и так вкусны, а если добавить чесночных перьев, аромат становится просто божественным, слышным издали. Соседи из семьи Цянь не знали, что они готовят, но днём пахло вкусно, а вечером — ещё вкуснее. Запах был такой соблазнительный.

Зерно быстро сохло, три-четыре дня на солнце — и можно убирать. Всё это время они работали не покладая рук. Вечером дядя Цянь решил сварить котелок белого риса. Семья Цянь была очень рада, но как только они сели за стол, из соседнего двора донёсся аромат жареной печени с кишками. Запах был таким густым, что они перестали чувствовать аромат риса, в носу стоял только этот дразнящий запах. Есть стало невозможно.

Младшие дети, не стесняясь, начали канючить, что хотят мяса.

Госпожа Цянь, раздражённая, швырнула палочки на стол и вышла во двор, крикнув в сторону дома Цзянов:

— Тьфу! Привели в дом больного, а теперь каждый день мясо жрут! Что, жить надоело? Если надоело, идите в горы, выройте яму и ложитесь! Оставьте...

— Хватит, замолчи, — прикрикнул на неё дядя Цянь. — Они едят мясо, тебе-то что? Не хочешь есть — убирайся в дом.

Госпожа Цянь знала, что неправа, и, пробормотав что-то, замолчала.

Цзян Сяои наполнил большую миску, поставил её в корзину, накрыл тканью, чтобы не попала пыль, и, взяв Цзян Сяосаня за руку, направился к дому старшей ветви.

По дороге сидели люди, отдохавшие после ужина на прохладе. Аромат из корзины разносился по округе.

Кто-то принялся:

— Гэ'эр Цзян, что несёшь?

— Немного мяса, — уклончиво ответил Цзян Сяои.

— Тётушке своей несёшь?

— Угу.

— Ну, тогда иди скорее, а то остынет.

Когда Цзян Сяои ушёл, кто-то вздохнул.

— Семья Цзян хоть и бедная, но люди хорошие. Смотри-ка, есть чем поделиться — и сразу к родне несут.

— А как же иначе? У Цзян Аня сыновья — один глупый, другой больной. Если Цзян Сяои выйдет замуж, можно будет на родню со стороны мужа надеяться. А теперь он не женится, а привёл в дом приходящего зятя-гэ'эра. Если не будет держаться за старшую ветвь, кто ему потом в тяжёлой работе поможет?

— И то верно.

Кто-то вспомнил о Бай Цзыму и вздохнул:

— Этот гэ'эр Цзян ещё пожалеет.

Когда Цзян Сяои пришёл, старшая ветвь как раз собиралась ужинать. Увидев, что он принёс что-то, они удивились. Что случилось? Не праздник ведь.

Ещё до того, как он открыл корзину, двоюродная бабушка учуяла запах и укоризненно сказала:

— Мясо купили? Редко покупаете, так ешьте сами. Зачем сюда принесли? Забирай, забирай.

Их семья была большой. Если Цзян Сяои принёс угощение, то мало принести было неловко, а много — накладно. Двоюродная бабушка знала об их положении. Обычно, когда Цзян Сяои приносил овощи, свиной корм или дрова, она брала. Таковы уж были отношения между родственниками. Если не брать, то семья второй ветви, не любящая быть в долгу, в следующий раз постесняется прийти за помощью. Но если он приносил что-то, купленное за деньги, бабушка чаще всего отказывалась и даже сердилась.

— Это не мясо, — сказал Цзян Сяои и под нетерпеливыми взглядами двоюродных братьев и сестёр вынул из корзины блюдо. — Это жареная печень с кишками.

В те времена свиней кормили «по-вегетариански», и в их кишках почти не было жира — лишь тонкая плёнка. После жарки она становилась хрустящей и золотистой. Обжаренные с изумрудными перьями чеснока и мелко нарезанным перцем чили, они — не говоря уже об остальном — одним своим видом, пёстрым, красно-зелёным, пробуждали аппетит, не говоря уже о плывущем в воздухе умопомрачительном аромате.

Вся семья уставилась на блюдо, застыв и сглатывая слюну. Раньше они из жадности тоже покупали эти потроха, но разве получалось так вкусно? Как ни мой, всё равно после варки оставался запах свиного навоза.

Старший дядя не выдержал и первым взял кусок. Во рту он был ароматным, острым и жевательным. Запив его глотком каши из грубого зерна, он застонал от удовольствия. Невероятный вкус, просто восхитительно.

— Вкусно! — сказал он, беря ещё кусок. — Ароматно! Сяои, как ты это приготовил? Вкуснее мяса получилось.

Второй дядя, его жена и дети, увидев это, тоже поспешили попробовать и замерли от удивления.

На самом деле, для современного человека, привыкшего к изысканной еде, жареная печень с кишками — не бог весть какое лакомство. Но для тех, кто ел мясо раз-два в год и питался в

основном варёными овощами, это было блюдо, от которого можно было умереть от восторга.

Перед чужими он бы не стал говорить, боясь уронить достоинство Бай Цзыму, ведь готовка — это дело домашнее. Но старшая ветвь была своей. К тому же, он хотел, чтобы они успокоились и поняли, что Бай Цзыму — не альфонс, который ничего не умеет.

— Это... это Бай Цзыму приготовил, — сказал он.

— Бай Цзыму? — жёны дядей и другие женщины замерли.

Дяди и другие мужчины не поверили. В деревне мужчины к кухне не прикасались. А тут Бай Цзыму не только приготовил, но и сделал это так хорошо. Неужели он хвастается?

— Угу, — кивнул Цзян Сяои.

Двоюродная бабушка поманила к себе Цзян Сяосаня. Когда тот подбежал, она погладила его по голове.

— Сяосань, это правда твой гэфу приготовил?

— Угу! — Цзян Сяосань прижался к её ногам. — Мой гэфу самый лучший! Он может вонючее сделать вкусным. Он сказал, это называется мастерство, и только у крутых оно есть.

Вся семья рассмеялась. Цзян Сяосань потянул Цзян Сяои.

— Старший брат, пойдём домой кушать. Сяосань проголодался.

Он ещё во время готовки кишок истекал слюной.

Двоюродная бабушка, видя его нетерпение, улыбнулась так, что вокруг глаз собрались морщинки.

— Тогда идите домой, а то еда остынет, — ласково сказала она.

Печень была приготовлена идеально — ничуть не жёсткая, очень нежная. Но всем больше понравились кишки — чем дольше жуёшь, тем вкуснее.

Чжан Дая смотрела, как дети едят, облизываясь и нахваливая, и цокнула языком.

— Не думала, что у Сяои этот... ещё и готовить умеет. И, похоже, неплохо.

Подумав, жёны дядей поверили словам Цзян Сяои. Они-то знали, какой он повар. Когда Хуан Сюлянь была жива, она больше любила Цю Цуйцуй и поручала ей лёгкую работу по дому. А заготовка корма для свиней, кормление кур и уток — всё это ложилось на плечи Цзян Сяои. Первые десять лет своей жизни он почти не бывал на кухне и готовить не умел. После ухода Хуан Сюлянь он приходил к ним учиться. А самое коронное блюдо жён дядей — это варёная капуста. Что умели они, то умел и Цзян Сяои. Так приготовить кишки они не могли. Значит, это и вправду сделал Бай Цзыму. Тем более, они уже видели, как он готовил в прошлый раз.

Двоюродная бабушка с облегчением сказала:

— Если он умеет что-то по дому делать, пусть и не может работать в поле, это уже хорошо. По крайней мере, когда ваш третий брат и Сяои вернутся с работы, их будет ждать горячий ужин.

Старшая ветвь радовалась ужину, а вторая — и подавно. Полная миска — ешь сколько влезет. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань ели так, что их рты блестели от жира, и от счастья они болтали ногами. Цзян Сяои, работавший на тяжёлых работах, ел много. Видя, как он уплетает за обе щеки, Бай Цзыму гладил его по спине.

— Помедленнее, не торопись, не подавись.

Этот жест был слишком интимным. Цзян Сяои украдкой взглянул на отца. Ему стало неловко, но в то же время очень радостно. Он положил в миску Бай Цзыму палочку кишок и застенчиво сказал:

— Ты тоже ешь!

Отец Цзян молчал. Он сидел слева от Цзян Сяои, но тот ему ничего не положил. Он с тоской посмотрел на Бай Цзыму. Этот парень так очаровал его сына, что тот и про родного отца забыл. Ему стало кисло на душе.

Всё-таки тесть. Если тесть будет доволен, и ему будет хорошо. Бай Цзыму тут же проявил инициативу. Глядя на него, он весело сказал:

— Отец, вы тоже ешьте!

Он и так был красив, а когда улыбался, вся его отстранённость исчезала. Ясные глаза, жемчужные зубы, красивые черты — он выглядел невероятно мило.

Отец Цзян тут же перестал злиться и даже обрадовался. «Этот зять-гэ'эр помнит обо мне!»

— Хорошо, хорошо.

После ужина, пока Цзян Сяои мыл попу Цзян Сяоэру, отец Цзян проскользнул в комнату и протянул Бай Цзыму двадцать вэней.

— Отец, зачем вы мне деньги даёте? — опешил Бай Цзыму. Неужели сейчас разыграется сцена из романа: «Я даю тебе двадцать вэней, а ты немедленно убираешься от моего сына»?

Бай Цзыму считал, что за несколько ночей, проведённых с отцом Цзяном, они стали почти братьями по оружию. Так что... вряд ли. Да и двадцать вэней — это как-то унижительно.

<http://bllate.org/book/13701/1591024>